

ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ В ЛИВАДИИ

9 февраля 1945 г. в 16 час. 00 мин.

Присутствуют:

со стороны СССР - гг. И. В. Сталин, В. М. Молотов,
А. Я. Вышинский, И. М. Майский,
Ф. Т. Гусев, А. А. Громыко, В. Н. Павлов.
со стороны Великобритании - Черчилль, Иден, Кадоган,
Вильсон, Диксон, Гаррисон, Джебб.
со стороны С Ш А - Рузвельт, Стеттиниус, Гопкинс,
Лехи, Мэттьюс, Хисс, Болен.

Рузвельт предлагает, чтобы Стеттиниус доложил о совещании трех министров иностранных дел.

Стеттиниус заявляет, что от имени министров иностранных дел он хотел бы сделать следующее краткое сообщение о результатах их работы. Министры иностранных дел подробно обсуждали польский вопрос на основе меморандума американской делегации. В этом меморандуме в соответствии с предложением Молотова был опущен вопрос о президентском совете. Что касается формулы о создании польского правительства, то Молотов заявил, что он хотел бы доложить Маршалу Сталину новые предложения, содержащиеся в американском меморандуме. Было решено продолжать обсуждение этого вопроса и доложить, что три министра иностранных дел пока не достигли соглашения.

Молотов заявляет, что он хотел бы сделать предложение по польскому вопросу в связи с проектом американской делегации.

Рузвельт говорит, что он предпочел бы, чтобы Стеттиниус кончил свой доклад.

Стеттиниус заявляет, что на совещании министров обсуждался вопрос о репарациях.

Черчилль говорит, что, может быть, сначала обсудить польский вопрос?

Рузвельт отвечает согласием.

Тов. Молотов заявляет, что Советская делегация принимает за основу предложение Стеттиниуса. Советская делегация хочет без дальнейших оттяжек выработать общее мнение, сделав некоторые поправки к американскому проекту, точнее в той его части, которая озаглавлена словом "формула". Он предлагает следующую редакцию первой фразы: "Теперешнее Временное Польское Правительство должно быть реорганизовано на базе более широкого демократизма за счет вилучения в него демократических деятелей, находящихся в Польше и за границей. Это правительство будет называться Национальным Временным Правительством". Таким образом, Молотов снимает свое прежнее предложение о том, чтобы новое Польское Правительство было организовано на основе существующе^пго правительства. Следующие две фразы остаются без изменения. В конце Молотов предлагает добавить слова: "Нефашистские и антифашистские партии". Кроме того, Молотов считает необходимым добавить следующую фразу: "Когда Польское Правительство Национального Единства будет создано указанным образом, три правительства признают его". Последнюю фразу американского проекта Молотов хотел бы исключить, так как послы трех держав, аккредитованные при Польском Правительстве, имеют полную возможность наблюдать за тем, что делается в Польше. Это их прямая обязанность. С указанными поправками Молотов считает предложение Стеттиниуса приемлемым. Далее Молотов заявляет, что кроме польского вопроса имеется еще один затянувшийся вопрос югославский. Молотов просил бы участников конференции разрешить этот вопрос на базе, предложенной Черчиллем, т.е., чтобы немедленно было введено в действие соглашение Тито-Шубашич, независимо от позиции короля.

Черчилль спрашивает, не считают ли необходимым участники конференции сначала обсудить польский вопрос? Югославский вопрос небольшой, и британское правительство по нему наверняка договорится с Советским Правительством. Черчилль рад, что сделан большой шаг к соглашению по польскому вопросу. Но он хотел бы высказать несколько замечаний общего характера, прежде чем продолжится его обсуждение. Черчилль считает, что не следует решать этот вопрос впопыхах. Возможность соглашения уже носится в воздухе, но опасно было бы испортить все излишней торопливостью. Лучше еще немного подумать над предложением Молотова. Правда, для наших совещаний остаются только 48 часов. Черчилль, однако, не хочет погубить дело из-за того, что конференции не хватило

24 часов. Если для достижения решения нужны эти 24 часа, то их необходимо найти. Нельзя забывать одного: если участники совещания раз"едутся, не достигнув соглашения по польскому вопросу, то вся конференция будет расцениваться как неудача.

Рузвельт предлагает, чтобы Стеттиниус закончил свой доклад, после чего будет об"явлен перерыв на полчаса для изучения предложения Молотова.

Черчилль еще раз подчеркивает, что участники конференции почти держат в своих руках большой ценности приз. Нельзя допустить, чтобы этот приз разбился из-за излишней торопливости. Надо иметь немножко времени для размышления. Черчилль, однако, не возражает против предложения Рузвельта.

Тов. Сталин также принимает предложение Рузвельта.

Стеттиниус, продолжая свой доклад, говорит, что теперь он перейдет к вопросу о репарациях. Американская делегация представила свой проект принципов взимания репараций с Германии. По пунктам 1 и 2 американского проекта имеется единогласие между делегациями. По п.3 между ними достигнут компромисс, а именно, Московская Репарационная Комиссия положит в основу своей работы общую сумму репараций в порядке единовременных из"ятий и ежегодных товарных поставок 20 миллиардов долларов, из которых 50% предназначаются Советскому Союзу. Иден сделал по этому вопросу оговорку, что он еще не получил указаний из Лондона. Советская Делегация заявила, что расчеты по репарациям будут производиться по ценам 1938 г. с увеличением этих цен от 10 до 15% в зависимости от характера об"екта.

Далее Стеттиниус касается предстоящей конференции Об"единенных Наций. Американская делегация - говорит он, - предлагает, чтобы до конференции будущие постоянные члены Совета в дипломатическом порядке произвели между собой консультацию об опеке над колониальными и зависимыми народами.

Черчилль (в сильном возбуждении) решительно возражает против обсуждения этого вопроса. Великобритания в течение стольких лет ведет тяжелую борьбу за сохранение в целостности Британского Содружества Наций и Британской Империи. Он уверен, что эта борьба за-

кончится полным успехом, и, пока британский флаг развевается над территориями британской короны, он не допустит, чтобы хоть какой-либо кусок британской земли попал на аукцион с участием 40 государств. Никогда Британская Империя не будет посажена на скамью подсудимых в международном суде по вопросу об "опеке" над несовершеннолетними нациями.

Стеттиниус успокаивает Черчилля, что речь не идет о Британской Империи. Американская делегация желает, чтобы мировая организация в случае необходимости учредила опеку над территориями, которые будут отняты у врага.

Черчилль заявляет, что, если речь идет о вражеских территориях, то у него нет возражений. Возможно, что над этими территориями целесообразно учредить опеку.

Стеттиниус добавляет, что на совещании трех министров было признано желательным обсудить вопрос об опеке на конференции Об"единенных Наций.

Черчилль настаивает на внесении в текст решения оговорки, что обсуждение вопроса об опеке ни в коем случае не затрагивает территории Британской Империи. Обращаясь к т. Сталину, Черчилль спрашивает, каковы были бы чувства маршала Сталина, если бы Международная Организация выступила с предложением передать Крым под международный контроль в качестве международного курорта?

Тов. Сталин отвечает, что он охотно предоставил бы Крым для конференций трех держав.

Стеттиниус заявляет, что подкомиссия, созданная для разработки вопроса о приглашаемых на конференцию Об"единенных Наций, продолжает работу и сегодня доложит о результатах министрам иностранных дел. Что касается Ирана, то было констатировано, что советская делегация не имела достаточно времени для изучения документа Идена об Иране. Ввиду этого вопрос не обсуждался. Далее по предложению Стеттиниуса было решено, чтобы лица, назначенные Иденом и Молотовым, подготовили доклад по югославскому вопросу.

Черчилль замечает, что по югославскому вопросу нет значительных разногласий.

Стеттиниус заявляет, что было принято решение ввести в действие соглашение Тито-Шубашич до окончания Крымской Конференции,

не взирая ни на какие "фантазии короля Петра".

Черчилль говорит, что у британской делегации имеется две весьма ценных поправки к соглашению Тито-Шубашич. Эти поправки переданы русским друзьям.

Тов. Молотов отвечает, что поправки пока не обсуждались. Дело идет о соглашении Тито-Шубашич, которое Черчилль еще 11 января предлагал ввести в действие независимо от позиции короля Петра. Советское Правительство также одобрило это соглашение. Однако, оно до сих пор почему-то не введено в действие. Теперь к нему предложены две поправки. О них надо будет спросить мнение Тито и Шубашича. Это снова вызовет задержку.

Черчилль говорит, что если участники конференции сочтут поправки целесообразными, то можно будет рекомендовать Шубашичу и Тито их принять.

Тов. Сталин замечает, что советская сторона также может сделать свои поправки. Потом британская делегация предложит еще что-нибудь. Вопрос затягивается, а положение в Югославии остается неустойчивым.

Черчилль заявляет, что Тито диктатор в своей стране. Мы можем обратиться к нему с просьбой принять поправки.

— Тов. Сталин отвечает, что Тито вовсе не диктатор. У него нет правительства. Национальный Комитет это не правительство. Положение в Югославии остается неопределенным.

Иден заявляет, что речь идет не об изменении соглашения Тито-Шубашич. Речь идет лишь о тех двух заверениях, которые Шубашич все равно будет просить у Тито.

Тов. Сталин говорит, что поправки, внесенные англичанами, сводятся к тому, чтобы депутаты Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с немцами, были включены в Антифашистское Вече. Вторая поправка, заключается в предложении, чтобы законодательные акты, принятые Антифашистским Вече, в дальнейшем получили утверждение Учредительного Собрания. По существу тов. Сталин согласен с этими поправками. Они правильны. Он считает, однако, что мы сможем заставить югославов принять эти поправки, когда будет образовано об"единенное правительство. Не следует из-за них задерживать создание нового правительства.

Иден заявляет, что британское правительство хочет немедленного осуществления соглашения Тито-Шубашич. Потом можно будет предложить Тито принять поправки, о которых идет речь.

Тов. Сталин отвечает согласием.

Черчилль также выражает свое согласие.

Иден говорит, что Шубашич должен был выехать из Лондона в Югославию 7 февраля.

Черчилль отвечает, что завтра будут получены сведения, выехал ли он или нет? Во всяком случае, Шубашич выедет, как только позволит погода.

Тов. Сталин заявляет, что до отъезда из Крыма три державы должны рекомендовать немедленно ввести в действие соглашение Тито-Шубашич и создать на основании этого соглашения единое югославское правительство, независимо от тех фантазий, которые имеются в голове у Петра.

Черчилль предлагает внести соответственный пункт в коммюнике. В данной связи Черчилль спрашивает, имеется ли согласие на то, чтобы предложить Тито вышеупомянутые поправки впоследствии?

Тов. Сталин отвечает, что он не делает пустых заявлений. Он всегда держит свое слово.

Заседание возобновляется после перерыва (во время которого имела место консультация между американской и английской делегациями).

Рузвельт заявляет, что он ближе ознакомился с предложением Молотова и обменялся мнениями с английской стороной. Ему кажется, что теперь дело сводится лишь к некоторой разнице в словах. Участники конференции близки к соглашению. В этом вопросе, действительно, достигнут большой прогресс. Рузвельт хотел бы иллюстрировать свое мнение двумя примерами. Так, например, в тексте Молотова сказано: "Теперешнее Временное Правительство будет реорганизовано на более широкой демократической основе". Эта фраза затруднит положение тех правительств, которые признают польское правительство в Лондоне. Рузвельт хотел бы заменить выражение "Теперешнее Временное Правительство" словами "Польское Правительство, действующее в настоящее время в Польше". Далее Молотов предлагает исключить последнюю фразу относительно обя-

занности послов наших трех государств следить за свободными выборами в Польше. Лучше этого не делать. В данной связи Рузвельт хотел бы напомнить, что в США имеется 6 миллионов поляков. По отношению к ним нужно сделать какой-то жест, укрепляющий в них уверенность в том, что выборы в Польше будут справедливыми и свободными. Рузвельт считает, что, поскольку участники конференции так близки к соглашению, было бы целесообразно, чтобы Министры иностранных дел сегодня вечером немного поработали и завтра доложили о результатах своей работы конференции.

Черчилль соглашается с Президентом, что сегодня сделан большой прогресс на пути к об"единенной декларации союзных держав по польскому вопросу. У Черчилля нет возражений против того, чтобы это дело было окончательно разработано тремя министрами иностранных дел. Однако, он хотел бы сейчас остановиться на двух небольших пунктах, которые вытекают из того, что было сказано Маршалом Сталиным вчера. Маршал Сталин рассказал, как освободилась Польша и как враг был изгнан из страны Красной Армией. Это новый факт очень большого значения. Поэтому, Черчилль считает, что было бы целесообразно подчеркнуть данный факт перед всем миром и начать декларацию о Польше, примерно, такими словами: "Красная Армия освободила Польшу. Это делает необходимым создание вполне представительного польского правительства, которое теперь может быть построено на более широкой основе, чем то было возможно до освобождения Западной Польши".

Второй пункт, на который Черчилль хотел бы обратить внимание, - это последняя фраза американского проекта. Британское правительство находится в невыгодном положении при переговорах о польских делах, так как оно мало знает, что происходит в самой Польше. В то же время британскому правительству приходится принимать важные, касающиеся Польши, решения. Черчиллю известно, что между различными группами поляков отношения очень обострены. Осубна-Моравский, например, недавно употребил весьма угрожающий язык: Люблинское правительство намерено привлечь к судебной ответственности как изменников всех солдат польской армии и участников подпольного движения. Это сильно беспокоит британское правительство. Конечно, прежде всего необходимо устранить все препятствия, мешающие операциям Красной Армии. Тем не менее, Черчилль хотел бы просить Маршала Сталина о том, чтобы было принято

во внимание трудное положение британского правительства. Британское правительство действительно ничего не знает о том, что происходит внутри Польши, так как единственный имеющийся у него способ получения информации — это время от времени сбрасывать в Польшу смелых парашютистов или беседовать с людьми — участниками подпольного движения, прибывшими из Польши. Такое положение крайне неудовлетворительно. Каким образом его можно изменить, не создавая в то же время затруднений для операций Красной Армии? Черчилль еще раз повторяет, что интересы операций советских войск он ставит превыше всего. И все-таки, не могут ли быть англичанам предоставлены соответствующие возможности, которыми, как думает Черчилль, охотно воспользовались бы также американцы, чтобы видеть собственными глазами, как улаживаются в Польше существующие раздоры? Вот почему последняя фраза в американском проекте кажется британской делегации столь важной. Когда в Югославии будут происходить выборы, то, как он понял, Маршал Тито не будет возражать против присутствия советского, американского и британского наблюдателей с тем, чтобы эти наблюдатели могли заверить весь мир в правильном проведении выборов. Что касается Греции, то англичане приветствовали бы присутствие советских, американских и британских наблюдателей, когда там будут происходить выборы. То же самое относится и к Италии. Когда будет освобождена Северная Италия, произойдет резкое изменение во внутреннем положении Италии и должны состояться выборы в учредительное собрание или парламент. Британское Правительство считает, что советский американский и британский наблюдатели должны иметь возможность присутствовать на выборах в Италии, чтобы заверить великие державы в их нормальном проведении. Соображения, высказанные Черчиллем, имеют под собой реальное основание. В Египте, например, любое правительство, проводящее выборы, всегда побеждает. Нахас-Паша поссорился с королем и хотел устроить выборы. Король сказал, что, пока Нахас-Паша является членом правительства, никаких выборов не будет. И, разумеется, когда Нахас-Паша был изгнан из правительства, люди короля победили на выборах и заняли его место.

Тов. Сталин замечает, что в Египте не может быть настоящих выборов. Там широко распространен подкуп. Тов. Сталин спрашивает, каков процент грамотности в Египте? (Никто из членов английской делегации не может ответить на этот вопрос). В Польше гра-

мотность достигает 70-75%. Это люди, которые читают газеты и могут высказать свое мнение. Не может быть никакого сравнения между Египтом и Польшей.

Черчилль отвечает, что он не имел в виду сравнивать Польшу с Египтом. Он хотел только сказать, что выборы должны быть свободными и справедливыми. Его, например, интересует вопрос, будет ли допущен к участию в выборах Миколайчик?

Тов. Сталин отвечает, что этот вопрос нужно обсудить с поляками.

Черчилль спрашивает, должны ли этот вопрос обсудить послы во время переговоров с поляками в Москве?

Тов. Сталин отвечает, что это должно быть сделано согласно тому решению, которое имеется в виду принять.

Черчилль отвечает, что он не хочет дальше продолжать дискуссию на данную тему, но он хочет иметь возможность доложить парламенту, что выборы будут свободными, и что гарантирована справедливость их проведения.

Тов. Сталин говорит, что Миколайчик является представителем крестьянской партии. Это не фашистская партия. Она, конечно, будет допущена к участию в выборах. Кто-нибудь из кандидатов крестьянской партии войдет в правительство. Однако, тов. Сталин думает, что решение данного вопроса следует оставить до обсуждения его с поляками. Они приедут и их можно будет заслушать. Среди поляков имеются люди различных взглядов.

Черчилль заявляет, что он стремится лишь к тому, чтобы, вернувшись в Англию, провести через парламент вопрос о восточной границе Польши. Черчилль считает это возможным, если сами поляки между собой смогут решить вопрос о правительстве. Он, Черчилль, не особенно высокого мнения о поляках.

Тов. Сталин замечает, что среди поляков имеются очень хорошие люди. Поляки храбрые бойцы. В старое время польский народ дал выдающихся представителей науки и искусства. Но поляки очень драчливы.

Черчилль говорит, что он стремится лишь к тому, чтобы все стороны имели равные возможности.

Тов. Сталин замечает, что все нефашистские и антифашистские стороны будут иметь равные возможности.

Черчилль говорит, что он считает не совсем правильным проводить водораздел по линии: фашистский и нефашистский. Он предпочитает термин "демократы".

Тов. Сталин говорит, что перед ним лежит проект декларации об освобожденной Европе, предложенный американской делегацией. В этом проекте имеется фраза: "установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы фашизма и нацизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору! Хорошие слова! Здесь различие между фашизмом и антифашизмом проводится очень четко. Эти слова показывают, что между демократией и фашизмом не может быть единства.

Черчилль подтверждает, что такого единства не должно быть и не будет.

Рузвельт говорит, что, как он думает, пример Польши, приведенный Черчиллем, будет примером осуществления на практике принципов декларации об освобожденной Европе. Фраза, которую зачитал Маршал Сталин, имеет важное значение, ибо она дает нам возможность уничтожить всякие следы фашизма. В следующем после того абзаце декларации сказано, что народы смогут учредить временные правительственные власти, представляющие все демократические слои населения, а затем создать постоянные с помощью свободных и справедливых выборов. Рузвельту хотелось бы, чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений.

Тов. Сталин отвечает, что о жене Цезаря так только говорили. На самом деле у нее были кое-какие грешки.

Рузвельт говорит, что выборы в Польше должны быть совершенно "чисты", так чисты, чтобы они никем не могли быть взяты под сомнение, и чтобы сами поляки — люди очень горячие — могли принять выборы без всяких оговорок.

Тов. Молотов заявляет, что, если оставить последнюю фразу в американском проекте, то поляки могут почувствовать себя оскорбленными: им не доверяют. Лучше переговорить об этом с самими поляками.

Рузвельт резюмирует, что министры иностранных дел хорошо знают мнения глав правительств о польских выборах. Пусть они сегодня вечером займутся этим вопросом и завтра доложат о результатах своей работы.

Тов. Сталин говорит, что он согласен с поправкой Рузвельта: заменить слова "теперешнее временное правительство" словами "временное правительство, действующее в Польше".

Рузвельт переходит к следующему вопросу — к декларации об освобожденной Европе.

Черчилль говорит, что Иден хочет сделать одно замечание по поводу проекта этой декларации. Сам Черчилль согласен с декларацией, но считает необходимым отметить в протоколе, что Великобритания следует принципам Атлантической хартии в том толковании, которое Черчилль дал ей в парламенте после своего возвращения из Нью-Фаундленда. Текст своего парламентского заявления Черчилль представит на следующем заседании.

Иден заявляет, что в первоначальном проекте декларации говорилось о четырех державах, а теперь указаны только три. Иден хотел бы иметь возможность прибавить к ним Францию.

Тов. Сталин говорит, что три державы лучше, чем четыре.

Рузвельт замечает, что, пока целесообразнее остаться при трех державах.

Иден заявляет, что в таком случае он не будет вносить изменений.

Тов. Сталин замечает, что у Молотова имеются поправки.

Тов. Молотов говорит, что он имеет в виду третий абзац от конца. Молотов предлагает в конце абзаца вместо точки поставить запятую и добавить слова: "...причем будет оказана поддержка деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации".

Рузвельт заявляет, что он не возражает против этой поправки.

Черчилль просит разрешения обдумать ее.

Тов. Сталин спрашивает, не вызывает ли эта поправка беспокойства у Черчилля в связи с вопросом о Греции? Тогда Черчилль ошибается: поправка не имеет отношения к Греции.

Черчилль отвечает, что он хотел бы в Греции возможно скорее провести выборы. Он будет просить Маршала Сталина послать в Грецию своих наблюдателей, чтобы они могли убедиться в наличии равных возможностей у всех слоев населения.

Тов.Сталин заявляет, что он не хочет контролировать Черчилля.

Черчилль замечает, что, как только он выполнит свой долг по отношению к Греции, он больше не будет иметь с ней ничего общего.

Тов.Сталин говорит, что, если Черчилль позволит в греческих портах действовать каким-либо другим силам, кроме английских, то это будет опасно.

Черчилль говорит, что, пока британское правительство несет ответственность за положение в Греции, оно не хочет учреждать здесь об"единенного командования. Но, если Маршал Сталин пошлет своих ответственных представителей в Грецию, то они могут поехать, куда угодно.

Тов.Сталин заявляет, что он питает полное доверие к политике Англии.

Черчилль благодарит и прибавляет, что, как он надеется, в Греции скоро наступит мир, участники гражданской войны не будут наказаны, люди примирятся между собой, и представители БНРРА смогут оказать им помощь.

Рузвельт предлагает закрыть заседание.

Черчилль говорит, что он хотел бы обсудить вопрос о военных преступниках. Имеются в виду те военные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

Тов.Молотов говорит, что он хотел бы напомнить о предложенной им поправке к декларации освобожденной Европы. Следует ли считать, что декларация еще не принята?

Рузвельт отвечает, что декларация еще не принята, так как нужно рассмотреть предложенную Молотовым поправку.

Черчилль замечает, что декларацию можно считать почти принятой. Что касается Шубашича, то Черчилль завтра получит ответ,

выехал он уже из Лондона или нет? Черчилль надеется, что Шубашич покинет Лондон до окончания конференции. Во всяком случае, его может задерживать только погода, но не король.

Тов. Сталин говорит, что югославский вопрос нужно решить независимо от отъезда Шубашича. Когда Шубашич приедет в Югославию он узнает о рекомендации конференции немедленно ввести в действие соглашение Тито-Шубашич. Может быть, послать об этом телеграмму Тито и Шубашичу теперь же?

Черчилль считает, что сначала лучше заявить о позиции конференции по данному вопросу в коммюнике. Ведь такое заявление будет одним из наиболее выгодных пунктов коммюнике. Зачем снимать из витрины ходкий товар?

Тов. Сталин не настаивает на посланке телеграммы.

Рузвельт заявляет, что вопрос о военных преступниках сложный. Его невозможно рассмотреть во время нынешней конференции. Не лучше ли передать этот вопрос на рассмотрение трех министров иностранных дел? Пусть они дадут отчет через 3 - 4 недели.

Черчилль говорит, что он составлял проект декларации о военных преступниках для Московской Конференции 1943 года. Черчилль сделал тогда предложение, которое было принято, о выдаче преступников тем странам, где они совершили свои преступления. В названной декларации имеется также упоминание о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Как быть с этими главными преступниками? По мнению Черчилля, прежде всего следует составить список таких лиц с правом пополнения его в дальнейшем. Это изолировало бы их от их народов. Черчилль считает, что лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы.

Тов. Сталин спрашивает - а как быть с теми преступниками, которые уже пойманы, например, с Гессом? Будет ли он включен в список, который предлагает составить Черчилль? Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных нельзя судить.

Черчилль отвечает, что военнопленных, нарушивших законы, конечно, можно привлекать суду. Иначе преступники войны начнут сдаваться в плен для того, чтобы избежать наказания. Однако, Чер-

члнль понял Маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы.

Тов. Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?

Рузвельт заявляет, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Черчилль говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом. Черчилль хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако, ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить своим военнопленным.

Рузвельт предлагает передать вопрос о преступниках войны на изучение министрам иностранных дел трех держав. Это принимается.

Тов. Сталин спрашивает, началось ли наступление на Западном фронте?

Черчилль отвечает, что вчера в 10 часоу утра 100-тысячная британская армия начала наступление в районе Неймегена. Войска продвинулись вперед на три тысяч ярдов на фронте шириной в пять миль. Они достигли линии Зигфрида. Оборона не была особенно сильной, за исключением двух деревень. Взято несколько сот пленных. Завтра начнется вторая волна наступления. 9-я американская армия расширяет фронт наступления. Это наступление будет безостановочным и будет непрерывно разрастаться.

Записал

(В. Павлов)

редактировал И. М. Майский.

[illegible]